

Глава 687: Вторжение в Поместье Сюэ

Двор в аллее Северного Военного Департамента постепенно возвращал свой изначальный внешний вид. Дыра у стены уже была выкопана очень глубоко, но яблоню еще не прислали.

Получение яблони-китайки, практически идентичной прошлому дереву, не было простой задачей даже для Департамента для Очищения Чиновников, чья сила простиралась на все уровни общества.

Чжоу Тун очень хорошо осознавал это, так что не демонстрировал и малейшего недовольства своим оппонентам, особенно после того, как услышал быструю последовательность отчетов.

«Помощник Министра Вэй не смог прибыть. Вероятно, в его поместье прошлой ночью произошла большая ссора».

«Когда Лорд Хуан Имперского Совета Астрономии собирался уйти, он обнаружил, что повозку его клана позаимствовали. Ее занял родственник его жены, который сказал, что возвращается в Провинцию У».

«Тяньхай Шэнсюэ уже взобрался на свою повозку, но был остановлен Стражами его клана. Похоже, что между ними произошел разъяренный конфликт. В конечном счете Канцлер Поместья Чэньву был вынужден явиться лично, чтобы успокоить ситуацию».

«Из поместья Принца Сяна не было шума, но Принц Чэнь Лю не появлялся весь день. Согласно нашему анализу, вероятно, его закрыли в святыне в задней части поместья».

С тех пор, как он два дня назад узнал, что Чэнь Чаншэн появился, чтобы похоронить тело Сюэ Синчуаня, у Чжоу Туна было крайне неприглядное выражение лица, особенно когда он услышал, что Поместье Сюэ намеревалось провести похороны.

Хотя он всегда выглядел очень спокойным, его подчиненные и многие люди во дворце могли сказать, что его настроение было ужасным.

Когда он услышал эти новости, его внешний вид начал улучшаться, и холодное безразличие в его глазах постепенно начало таять.

Никто не смел отдавать дань уважения в Поместье Сюэ; это было ожидаемо.

Поместье Сюэ проводило похороны, давая многим людям в столице возможность продемонстрировать свои чувства, а также выкапывало дыру.

Хотя говорят, что это дань уважения Сюэ Синчуаню, на самом деле это можно считать данью уважения Божественной Императрице.

Сегодня Имперский Двор наблюдает за Поместьем Сюэ, так кто посмеет появляться?

«Чэнь Чаншэн?» - вдруг спросил Чжоу Тун.

Подчиненный отрапортовал: «Никто не покидал Ортодоксальную Академию в течение всего этого времени».

«Я не думал, что наш Маленький Директор Чэнь будет настолько хладнокровным с таким хорошим чувством меры».

Держа руки за спиной, Чжоу Тун вышел из двора и сказал: «Но эта ситуация неизбежно вынуждает вздыхать о непостоянности человеческих отношений. И это верно, кто кроме меня мог развить реальную дружбу с ним?»

Все его подчиненные были ошеломлены этими словами, не понимая, почему их лорд так говорит.

Чжоу Тун остановился и посмотрел на них, говоря серьезным тоном: «Весь мир знает, что он был моим единственным другом. Никто из вас не знал?»

Подчиненные взглянули на улыбку на лице их лорда и их тела охладели. Они были озадачены, не зная, как ответить.

.....

.....

У озера Ортодоксальной Академии Мао Цююй посмотрел на Чэнь Чаншэна и сказал: «Похоже, что я зря волновался. Ты всегда был более зрелым, чем твои ровесники».

«Так вы прибыли сюда на рассвете, чтобы присматривать за мной, - Чэнь Чаншэн взглянул на озеро, говоря, - но, по правде говоря, я не очень понимаю ваших слов».

Мао Цююй объяснил: «Того, что ты сделал два дня назад, уже было достаточно. Сделать больше уже будет лишним».

Чэнь Чаншэн обдумал это, а затем спросил: «Кто решает, что в норме? Кто составил эти правила?»

Он уже знал, что кроме Даосиста Сыюаня и Линхай Чживана никто не посмеет приходить на похороны в Поместье Сюэ.

«Нормы и правила исходят от уникальной и несравненной воли».

Мао Цююй посмотрел на него и сказал: «Пока Его Святейшество Поп еще жив, у Ортодоксии есть только одна воля, так что у нее может быть только один голос, но когда Его Святейшество вернется к морю звезд? Когда Ваше Высокопреосвященство примет место Попа, тебе все еще не будет двадцать, и для воли Вашего Высокопреосвященства будет очень сложно быть помещенной над Ортодоксией. Она только сможет взаимно сосуществовать с другими».

Эти слова казались весьма смутными, но на самом деле они были совершенно ясными. Гладкая передача Ортодоксии зависела от навыков и методов преемника, а не только от воли Попа.

Зрелость, самообладание, понимание норм, терпимость и чувство ответственности - все это было тем, в чем навыки и методы приобретали твердую форму.

Мао Цююй продолжил: «У Его Святейшества не очень хорошо со здоровьем».

Чэнь Чаншэн ответил: «Через несколько дней я отправлюсь во Дворец Ли увидеть его».

Мао Цююй ответил: «Его Святейшество, вероятно, будет очень признателен».

Чэнь Чаншэн не отвечал несколько мгновений, а затем сказал: «Я не совсем уверен, будет ли Боевой Дядя рад видеть меня».

Мао Цююй ответил: «Ты шаг за шагом изучаешь отношения между чувством ответственности и молчанием. Это само по себе представляет рост».

Чэнь Чаншэн покачал головой: «По правде говоря, Ваше Высокопреосвященство выразились неверно. Я не отправился в Поместье Сюэ, потому что решил промолчать или потому что я решил остаться в нормах чувства ответственности. Мне просто кажется, что часто можно встретить непостоянство человеческих отношений. Более того, это не особо связано со мной. Как вы знаете, я действительно не был так уж близок с Сюэ Синчуанем».

Да, вопреки тому, что думал Чжоу Тун и как хвалил его Мао Цююй, Чэнь Чаншэн не воздержался от посещения поместья Сюэ из-за молчаливой выдержки или надлежащих норм. Он просто чувствовал, что не был близок с Сюэ Синчуанем, так что не было очевидной необходимости быть там. К тому же, он не знал, что он должен сказать перед Мадам Сюэ и теми людьми, которые были переполнены горем и воспоминаниями.

«Я не опытен в утешении других», - сказал он Мао Цююй.

Как раз в этот миг внезапно вошел Су Моюй.

Мао Цююй спросил: «Что случилось?»

Су Моюй поклонился, а затем сказал Чэнь Чаншэну: «Чжоу Тун взял людей и отправился в Поместье Сюэ».

Чэнь Чаншэн взглянул на небо, говоря: «Какой час Поместье Сюэ выбрало для перемещения гроба?»

Мао Цююй с немного строгим лицом сказал: «Если ты изменишь свои намерения из-за намерений другого, это не будет соответствовать твоему Дао».

Это были слова наставления и предупреждение.

Чэнь Чаншэн ответил: «Сердце всегда может измениться, а признание этих изменений действительно будет следованию своему сердцу».

Мао Цююй спросил: «Почему оно изменилось?»

Чэнь Чаншэн ответил: «Я не близок с Сюэ Синчуанем, так что я не отправился в Поместье Сюэ. Но я очень близок с Чжоу Туном, так что я должен отправиться туда сейчас».

.....

.....

Поместье Сюэ было одиноким и безрадостным, белый флаг, развевающийся на осеннем ветру, казался очень одиноким и жалким.

Одинокость и безрадостность не означала, что никого не было рядом. В начале улицы и конце аллеи многие люди смотрели на врата Поместья Сюэ издалека.

Некоторые из взглядов принадлежали надоедливому и бесстрашному лентяю столицы, но большинство взглядов принадлежало представителям великих сил столицы.

От раннего утра и до сейчас ни один гость не прибыл к вратам Поместья Сюэ, даже не было

пролетающей мимо ласточки.

С улицы вдруг слышались копыта в сопровождении звука обдувания одежды ветром.

Несколько десятков служащих и экспертов Департамента для Очищения Чиновников, и еще больше красной кавалерии сопровождало Чжоу Туна к Поместью Сюэ.

В очень короткое время ворота Поместья Сюэ были заполнены людьми, но не было шума. Все происходило в гробовой тишине.

Улица была слишком тихой, настолько, что даже звуки сожжения бумажных нитей за воротами были слышны.

Чжоу Тун взял белую ткань у подчиненного и привязал ее к поясу, после чего вошел в Поместье Сюэ.

Дворецкий Поместья Сюэ увидел это зрелище и хотел остановить его, но ему не хватало храбрости. Его ноги уже стали невыносимо мягкими.

Прекрасная женщина в траурной одежде преградила ему путь, злобно закричав: «У тебя все еще было лицо прийти?»

Чжоу Тун посмотрел на нее и спросил: «Мадам Вэй вернулась?»

Он посмотрел на пустующее поместье и покачал головой, с грустью говоря: «В чем надобность для этого? Я пришел зажечь благовония для Старшего Брата Сюэ, чтобы он не был слишком одиноким в море звезд».

Женщина с бледным лицом закричала: «Отец не хотел бы видеть такого неблагодарного негодая, как ты!»

«Дружба, которая у меня была с Генералом Сюэ, это не то, что вы, женщины, можете понять».

Говоря это, Чжоу Тун спокойно направился в Поместье Сюэ, как будто возвращался домой.

Во всем этом процессе он даже не взглянул на Мадам Вэй.

Служащие Департамента для Очищения Чиновников оттолкнули Мадам Вэй в сторону, не позволяя ей приближаться к Чжоу Туну.

Видя, что ее ненавистный враг вот-вот вторгнется в ее дом, и думая, как душа ее отца определенно не сможет найти мир, Мадам Вэй почувствовала горе и негодование. Без сил остановить его она разразилась ругательствами и проклятиями.

Чжоу Тун немного нахмурился, слушая эти непрекращающиеся ругательства, находя их весьма неприятными: «Твой отец был героем поколения. Как он мог воспитать такую мегеру, как ты?»

Подчиненный вынул шар из ткани и запихнул его в рот Мадам Вэй.